

Иванов Михаил Михайлович

**Очерки современной итальянской
литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Михайлович И.**
Очерки современной итальянской литературы / Иванов Михаил Михайлович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 240 с.

ISBN 978-5-519-86603-3

ISBN 978-5-519-86603-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	2	
АНТОНІО ФОГАЦЦАРО.....	10	
ЧЕЗАРЕ ПАСКАРЕЛЛА	44	
ГАБРІЭЛЬ Д'АННУНЦІО.....	52	
ЭДМОНДІО Д'АМИЧИСЬ.	106	
МАТИЛЬДА СЭРАО.....	125	
ДОМЕНИКО ЧІАМПОЛИ.	146	
ДЖ. ВЕРГА.....	165	
АДА НЕГРИ.....	197	
АННИ ВИВАНТИ.....	208	
ПЬЕТРО КОССА.....	211	
СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗІЯ.....		226

ВСТУПЛЕНИЕ

Еще сравнительно недавно, всего каких-нибудь два или три десятилетия назад, в образованном обществе Италии господствовало убеждение, высказывавшееся также и критикой, что XIX век, начавшийся знаменитой книгой Беккариа «Die delitti e delle pene» («О преступлениях и наказаниях»), окончился для итальянской литературы со смертью Александра Манцони.

Если бы разделять подобное мнение, следовало бы даже сказать, что итальянская литература XIX века кончилась с появлением «Обрученных», ибо после этого выдающегося романа, достойного занять место рядом с chef d'oeuvre'ами всех стран и эпох, Манцони уже не написал более ничего достойного его таланта, и внимания читателей вне Италии, от которых по необходимости ускользают многие черты итальянского характера, сказывающиеся в произведениях писателей этой нации. Роман «Обрученные» появился в 1827 году — Манцони умер в 1872 году. Таким образом, итальянский литературный гений XIX века должен был бы выразиться весь в период каких-нибудь двадцати пяти или тридцати лет, прошедших от появления книги Беккариа и до «Обрученных». Этого, разумеется, не было и не могло быть. Без сомнения, политические обстоятельства прежней Италии отвлекали далеко от литературы лучшие силы страны. С другой стороны, те же обстоятельства влияли на известную неподвижность литературы. «*Servi siamo ma servi ognor frementi*» (рабы, но рабы всегда негодующие) — это знаменитое выражение Альфьери мог бы вспомнить каждый итальянец в печальное время, наступившее для его родины с эпохи вейского конгресса и продолжавшееся вплоть до 1859 года, обозначавшее политическое возрождение Италии под державою Савойского дома. Писатели того времени посвящали себя преимущественно политик, или, давая романы и повести — обыкновенно исторического содержания — отыскивали для них такие сюжеты, которые бы будили политическое самосознание, поддерживали патриотический энтузиазм нации. Надо было делать это, однако, осторожно, потому что цензура не шутила, ни в Ломбардии и Венеции, находившихся под австрийским владычеством, ни в других областях, существовавших независимо, но правительства которых все без исключения были проникнуты одним и тем же духом. Ограниченные в выборе сюжетов, итальянские писатели того времени, драматурги и романисты — Никколини, Сильвио Пеллико, Гверадци, М. д'Азельо и др. — поневоле подражали и должны были, во-первых, подражать моделям, признанным тогда всеми за образцы и против которых не имела ничего возразить сама цензура. Они копировали Альфьери (род. 1749г.,

ум. 1854 г.) и Манцони, на которомъ, въ свою очередь, какъ извѣстно, сильно отразился Вальтеръ-Скотъ. Исключеніе среди писателей этой эпохи составляетъ только поэтъ Дайакомо Леопарди (род. въ 1798 году, умеръ въ 1837 году); но его пессимистическое міровоззрѣніе до того отличалось отъ яснаго міровоззрѣнія его соотечественниковъ, до того вообще онъ опередилъ свою эпоху, высказывая взгляды, подобныя Шопенгауеровскимъ, еще въ то время, когда нѣмецкій философъ ходилъ въ школу, что Леопарди не оставилъ и не могъ оставить сколько-нибудь прочнаго слѣда въ литературѣ своей страны. Его не оцѣнили современники, несмотря на врожденную имъ любовь и пониманіе поэзіи и поэтического творчества; почти не встрѣтилъ онъ популярности и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ. Кромѣ него, всѣ остальные писатели и драматурги, какъ бы они ни назывались, даже когда имѣли очень хорошій талантъ, являлись, въ сущности, только подражателями Альфьери и Манцони.

Отсюда та печальная оцѣнка, о которой замѣчено выше. Если сама итальянская критика смотрѣла не очень благосклонно на своихъ писателей, то естественно еще хуже смотрѣли на итальянскую литературу или еще меньше занимались ею внѣ Италіи. Въ Россіи, напр., эта литература — смѣю утверждать — совершенно неизвѣстна. У насъ есть нѣсколько очерковъ и статей, касающихся отдѣльных итальянскихъ поэтовъ — Леопарди, Стеккетти, Кардуччи; очерковъ, иногда написанныхъ людьми, обстоятельно знакомыми съ предметомъ, о которомъ они говорили. Наше же образованное общество совершенно не знаетъ итальянской литературы, ни старой, ни новой, и въ нашей литературѣ нѣтъ ни одной книги, которая бы знакомила русскаго читателя съ итальянскими писателями XIX вѣка. Безусловно впервые указаль я русскому обществу на такія выдающіяся поэтическія силы, какъ Ада Негри; первымъ мнѣ довелось познакомить наше общество съ романами Фогаццаро и д'Аннунціо, переведя нѣкоторыя изъ нихъ — «Исчезнувшія тѣни», «Тайна поэта», «Невинная жертва», «Торжество смерти». Говорю это, отмѣчая только фактъ, свидѣтельствующій о невѣроятно маломъ интересе, выражаемомъ нами къ итальянской литературѣ. Между тѣмъ, эта послѣдняя возродилась и дала цѣлый рядъ первостепенныхъ авторовъ. Иначе и не могло быть. Творческій духъ націи никогда не можетъ изсякнуть, Италія имѣетъ теперь выдающихся представителей въ различныхъ областяхъ литературы — въ поэзіи, романѣ, драмѣ. Другое дѣло — вполнѣ ли выражается національный характеръ въ этихъ писателяхъ. Конечно, всѣ, они не остались безъ вліянія литературы другихъ странъ. Зола, Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, а въ послѣднее время скандинавская литература воздѣйствовали на современныхъ итальянскихъ писателей — въ особенности же скандинавскіе авторы на итальянскихъ драматурговъ. Но это не важно.

Никто въ настоящее время не можетъ избѣжать вліянія иностранныхъ литературъ въ большей или меньшей степени. Въ этомъ смыслѣ оправдываются надежды Маццини на полное сліяніе, на международный характеръ въ будущемъ литературъ всѣхъ европейскихъ народовъ безъ исключенія. Это не можетъ отнять, однако, таланта и народнаго характера даже у тѣхъ писателей, которые наиболѣе подверглись вліянію чужихъ литературъ. Въ своей книгѣ я касаюсь только нѣсколькихъ писателей, отчасти потому, что считаю ихъ наиболѣе выдающимися и типическими по силѣ ихъ дарованія и по направленію, отчасти потому, что не претендую объять необъятное. Я оставилъ въ сторонѣ многихъ современныхъ итальянскихъ авторовъ, какъ въ области романа, такъ особенно въ области драматургіи, но не потому, что считаю ихъ не достойными вниманія. Если читатель ознакомится хотя только съ нѣкоторыми изъ выдающихся современныхъ итальянскихъ писателей, то можетъ быть онъ заинтересуется итальянскою литературою. Тогда возможно будетъ коснуться и другихъ лицъ, о которыхъ не упомянуто въ настоящей книгѣ.

Во всякомъ случаѣ, считаю необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ общемъ движеніи итальянской литературы за XIX вѣкъ, ограничася замѣчаніемъ, что въ предыдущемъ вѣкѣ, за исключеніемъ сочиненій Альфьери и Гольдони, она не представляетъ чего-либо существенно достойнаго вниманія иностраннаго читателя.

Главнымъ теченіемъ итальянской литературы первой половины XIX вѣка былъ патріотизмъ. Другимъ теченіемъ — человѣчество вообще. Этимъ идеямъ въ разной степени, смотря по таланту и области, въ которой работали тотъ или другой писатель, всѣ отдавали свои силы съ одинаковой страстностью. Драматурги, сатирики, поэты, романисты и писатели, принадлежавшіе по манерѣ своей къ разнымъ школамъ и направленіямъ, работали единомышленно. Здѣсь необходимо назвать Парини (умеръ въ 1799 г.) Беккарія, Уго Фосколо (умеръ въ 1827 г.), Альфьери (умеръ въ 1805 г.), Никколини, Пеллико, Джіусти (ум. въ 1850 г.), Гверацци, Манцони. Рядомъ съ этими именами можно назвать цѣлый рядъ лицъ съ болѣе слабыми дарованіями, но которые въ свое время гремѣли въ Италіи и не безызвѣстны тѣмъ, кто интересовался этою страной. То были Мамелли, Равина, Джіаннона, Прати, Алеарди, Россети, Фузинато, Поэріо, Монтанелли, произведенія которыхъ въ настоящее время не извѣстны, пожалуй, даже на ихъ родинѣ, несмотря на былую громкую славу. Точно также забыты сочиненія Монти (умеръ въ 1828 г.), настоящаго эстета первой половины XIX вѣка, не имѣвшаго между своими современниками соперниковъ по гибкости стиха и богатству рѣчи; забыты Чезари, Джіордани, Портикари, заботившіеся не о возбужденіи патріотическаго духа своихъ современниковъ,

а главнымъ образомъ о стилѣ, точности и выразительности языка, причѣмъ впадали въ такой же педантазмъ, которымъ отличалось большинство академиковъ della Crusca. До шестидесятыхъ годовъ у Италіи, какъ замѣчено выше, было много дѣла по части своего политическаго устройства. Лица, эмигрировавшія за Альпы — во Францію и въ Англію — посвящали всѣ свои силы исключительно политикѣ, политическому будущему своей родины. Тѣ, кто оставался дома, заняты были обычными житейскими дѣлами и не могли слѣдить за ходомъ и движеніемъ европейской мысли; развѣ что въ более образованномъ Пьемонтѣ общество слѣдило за этимъ движеніемъ. Рѣдкая неподвижность формы отличала всю итальянскую литературу первой половины XIX вѣка. И итальянскій читатель подъ вліяніемъ этой литературы сдѣлался чрезвычайно консервативенъ во всѣхъ вопросахъ, касавшихся ея. Не очень погрѣшая противъ истины, можно сказать, что итальянское общество 30, 40-хъ и даже 50-хъ годовъ если, напр., знало что-либо о В. Гюго, то развѣ только по либретто, которыя выкраивали изъ драмъ французскаго поэта итальянскіе либретисты для оперъ Доницетти и Верди. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, знакомство съ французскою драматургіею въ Италіи ограничивалось, напр., только Александромъ Дюма сыномъ и Октавомъ-Фелье, въ области же романа — бульварными парижскими произведеніями.

Послѣ объединенія королевства итальянское общество получило возможность развиваться спокойнѣе и вмѣстѣ разностороннѣе. Настало время для болѣе обстоятельнаго знакомства съ литературою сперва Франціи, потомъ Германіи, а затѣмъ и другихъ странъ, въ томъ числѣ и съ русскою литературою. Я, впрочемъ, долженъ замѣтить, что итальянцы знаютъ нашу литературу, скорѣе по французскимъ переводамъ. Въ Италіи въ настоящее время извѣстно не мало нашихъ авторовъ, но огромное большинство переводовъ сдѣлано съ французскихъ переводовъ; это можно въ случаѣ надобности доказать вполне точно. Какъ бы то ни было русскія вѣянія и идеи — пессимизмъ, народничество, склонность къ психологическому анализу — проникли въ итальянскую литературу и оказали на нее значительное воздѣйствіе — на д'Аннунціо и Чіамполи, напр., тогда какъ, съ другой стороны, не осталась безъ вліянія, напр., хотя бы на Фогаццаро, вообще на писателей ломбардской области, нѣмецкая литература, получившая широкое распространеніе въ Италіи со времени заключенія тройственнаго союза.

Благодаря лучшему знакомству съ европейскими литературами, новая кровь влилась въ жилы итальянскихъ писателей, взгляды ихъ расширились, и кто знаетъ какъ это обстоятельство отразится на дальнѣйшихъ вкусахъ и идеяхъ самой націи! Хотя критики прежнихъ поколѣній всегда возставали противъ увлеченія родныхъ писателей чужими литературами, борются противъ подобнаго теченія немислимо; этимъ критикамъ пришлось

смолкнуть. Само итальянское общество тоже начало интересоваться европейскою литературою, И такъ какъ геній латинской расы силенъ по-прежнему, несмотря на то, что такъ долго подвергался всевозможнымъ давлєніямъ, то ничего удивительнаго въ томъ, что старѣй, могучѣй стволъ быстро зазеленѣлъ и покрылся новыми вѣтвями, обѣщающими дальнѣйшій богатый ростъ. Не разрывая связи съ своими преданіями, итальянская литература измѣнила свой характеръ. Мнѣ кажется, не ошибаясь можно сказать, что для нея наступила теперь эпоха новаго Возрожденія, обѣщающая не мало. Еще одно обстоятельство, тоже имѣвшее несомненное вліяніе на движеніе новой итальянской литературы: это развитіе точныхъ знаній, основательное знакомство съ наукою вообще и съ позитивнымъ методомъ мышленія. Не прямо, но косвеннымъ образомъ философская мысль и наука вліяють и на изящную литературу. Эту истину доказывать не стоитъ.

Лучшимъ подтвержденіемъ того, какъ въ современномъ итальянскомъ писателѣ, наряду съ врожденною ему привязанностью къ классической литературѣ, къ Виргилію, Тибуллу и Горацию, развились новыя, европейскія идеи, являются Кардуччи и д'Аннунціо. Въ своихъ «*Juvenilia, Levia Gravia, Decennalia*» Кардуччи началъ съ подражанія латинскимъ классическимъ поэтамъ; но затѣмъ его охватываетъ волна иного движенія, идеи новаго міра. Являются его «*Odi barbare*», въ которыхъ талантъ его представляется въ иномъ освѣщеніи. Я считаю необходимымъ подчеркнуть писательское развитіе Кардуччи вообще и кстати его разностороннюю дѣятельность — философа, критика, филолога, эстетика, сдѣлавшую изъ него такого сильнаго мыслителя и вмѣстѣ первокласснаго писателя. Его вліяніе было и остается очень сильнымъ. Онъ далъ цѣлую плеяду учениковъ и послѣдователей. Энрико Панцакки, Дж. Кіарини, Артуръ Графъ, профессоръ, поэтъ и драматургъ, давшій въ своей «*Медузѣ*» затѣмъ въ «*Dopo il tramonte*» (Послѣ заката) неоспоримое доказательство сильнаго таланта, Дом. Ньоли, знатокъ нѣмецкой литературы и переводчикъ Гете (до него въ 50-ти и 60-хъ годахъ Маффеи перевелъ Шиллера и Гете) — всѣ эти лица вышли изъ школы Кардуччи. Они усвоили себѣ идеи и взгляды новѣйшихъ иностранныхъ литературъ; имъ хорошо знакомы Гюго, А. де Мюссе, Байронъ, Шелли, Гете, Гейне и друг., на всѣхъ отразилось вліяніе болѣе широкаго и новаго міросозерцанія. Ничего подобнаго мы не видимъ у итальянскихъ авторовъ первой половины XIX вѣка.

Габріель д'Аннунціо, съ своей стороны, является прекраснымъ доказательствомъ вліянія, оказаннаго на итальянцевъ иностранною литературою и вмѣстѣ легкости, съ которою латинскій умъ ассимилируетъ чужія вліянія и теченія. Д'Аннунціо началъ съ подражанія Кардуччи. Въ ранней юности онъ писалъ стихи («*Elegie romane*», «*Odi navali*», «*Poema*

paradisiaco» и др.), за которые кстати принялся снова въ послѣднее время. Его лирическія стихотворенія «Prima vega» дали ему широкую извѣстность чуть ли еще не на школьной скамѣ. Но затѣмъ онъ оставилъ поэзію и Кардуччи, принялся за романъ и въ этой области получилъ громадную извѣстность во всей Европѣ. Здѣсь онъ находился подъ безспорнымъ вліяніемъ сперва Достоевскаго и Толстого, потомъ Ибсена и Ницше. Насколько символизмъ, въ который онъ теперь вдался, найдетъ почитателей въ Италіи, остается вопросомъ, но символизмъ принялъ у д'Аннунціо такую изящную форму, которая невольно привлекаетъ къ нему даже его противников. Во всякомъ случаѣ, въ области итальянскаго романа философское теченіе современной европейской мысли не прошло незамѣченнымъ. Также интересно народническое вѣяніе, блистательно проявившее себя въ произведеніяхъ Верга и Чіамполи. Въ былое время итальянская литература знала только «пейзанъ»; крестьянъ въ ней не было. Народничество — совершенно новая струя въ этой литературѣ.

Изъ поэтовъ современной Италіи, имѣющихъ громкое имя, слѣдуетъ назвать Маріо Раписарди, сицилійца по происхожденію и соперника Кардуччи въ литературной славѣ, хотя направленія ихъ совершенно различны. Одно время между обоими поэтами возгорѣлась жестокая литературная война, въ которой приняли, какъ всегда бываетъ, участіе ихъ послѣдователи и друзья. Въ настоящее время война утихла, Кардуччи успокоился, все болѣе и болѣе занимаясь критикою, тогда какъ Раписарди остался попрежнему исключительно поэтомъ и притомъ боевого характера, какъ то видно изъ его поэмы — *L'Atlantide*. Объ этомъ сильномъ талантѣ у насъ также не имѣютъ никакого понятія, тогда какъ не было недостатка въ стараніи знакомить насъ съ такою сомнительною величиною, какъ, напр., Стекетти, котораго въ Италіи мало кто могъ принимать въ серьезъ. Раписарди точно также не остался въ сторонѣ отъ вѣяній европейской мысли, подѣйствовавшихъ на литературу его отечества.

Объ итальянскихъ поэтахъ, за немногими исключеніями, я предпочитаю однако не говорить, по причинамъ о которыхъ считаю лишнимъ упоминать здѣсь. Въ предлагаемой книгѣ я коснулся только Ады Негри, Анни Виванте и Паскарелла и то главнымъ образомъ потому, что «онѣ» (первыя двѣ — женщины) и «онъ» совершенно не были извѣстны въ Россіи, когда нѣсколько лѣтъ назадъ я счелъ себя обязаннымъ обратить на нихъ вниманіе русскихъ читателей въ очеркахъ, появившихся на столбцахъ «Новаго Времени». Краткій очеркъ современной итальянской поэзіи сдѣланъ для этой книги Зено Романо (В. Кардуччи), итальянскимъ писателемъ, живущимъ въ Петербургѣ. Точно также я не говорю ничего о драматургахъ, за исключеніемъ покойнаго Пьетро Косса, хорошаго знакомаго моею молодости, и д'Аннунціо

— о послѣднемъ потому, что, касаясь его творчества вообще, нельзя оставить въ сторонѣ его драмы и трагедіи. Главнымъ образомъ меня интересовали прозаики, хотя и здѣсь я коснулся далеко не всѣхъ заслуживающихъ вниманія. Я не говорю пока ничего о Луиджи Капуана, о Верга, объ А. Барилли, о Кастельнуово, о Роветти, о Берсеціо, ни о многихъ другихъ. Изъ старыхъ писателей мнѣ хотѣлось бы поговорить о Массимо д'Азельо, выдающемся дарованіи, широко тратившемъ его на службу родинѣ въ качествѣ дипломата, государственнаго человѣка, живописца и романиста. Если трудно быть разомъ слугою двухъ господъ, то еще труднѣе работать въ четырехъ совершенно разнообразныхъ сферахъ, какъ это делалъ д'Азельо. Не берусь судить то, что онъ сдѣлалъ какъ живописецъ или государственный дѣятель, но вспоминаю съ глубокимъ сочувствіемъ его интересные историческіе романы — «Этторе Фіеромаска» и «Никколо де Лани» и еще съ большимъ сочувствіемъ его любопытныя «Воспоминанія». Кто любитъ прошлое, ища въ немъ поученія для современной дѣйствительности, кого интересуешь быть хотя чужой, но почему-либо близкой ему страны, тотъ не можетъ пропустить безъ вниманія эти «Воспоминанія», оставшіяся, къ сожалѣнію, неконченными, какъ большинство книгъ подобнаго рода.

И такъ, повторяя вкратцѣ мысли, выраженныя въ этомъ вступленіи, скажу: настоящая книга вовсе не претендуетъ всесторонне познакомить читателя съ состояніемъ современной итальянской литературы, ни дать эстетико-критическій разборъ хотя бы главнѣйшихъ ея произведеній. Только постепенно можно вспахивать совершенно не тронутыя цѣлины. Авторъ желалъ отмѣтить лишь важнѣйшія теченія современной итальянской литературы въ лицѣ ея болѣе крупныхъ представителей. Онъ долженъ былъ ограничиться общею группировкою своихъ наблюдений и выводовъ, дать характеристику и портреты выбранныхъ имъ писателей лишь въ общихъ чертахъ. Обширность задачи, совершенно ясно представившаяся сознанію автора, послѣ того какъ онъ началъ свою книгу, да послужить извиненіемъ недостаточности его сужденій или свѣдѣній. Авторъ будетъ доволенъ, если его очерки, касающіеся, главнымъ образомъ, прозаиковъ, возбуждаютъ въ читателѣ хотя бы отчасти желаніе ознакомиться съ литературою такого даровитаго народа, какъ итальянскій. Въ переводахъ итальянскихъ писателей не только на французскій или нѣмецкій, но даже и на русскій языкъ нѣтъ недостатка. Наши переводчики въ послѣднее время въ особенности налегали на итальянскую драматургію и, судя по успѣху, которымъ встрѣчаютъ на нашихъ сцѣнахъ пьесы Бракко, Прага и др., не вижу причины думать, чтобы такой же успѣхъ не могли найти произведенія, въ которыхъ лучше и точнѣе проявился творческій духъ націи и выразились теченія современной итальянской литературы.

Что касается до этихъ теченій, то они, какъ замѣчено, разнообразны и вполне соотвѣтствуютъ теченіямъ европейской литературной мысли. Отъ веризма (нашей натуральной школы) до народниковъ, отъ мистицизма до символизма итальянская литература даетъ представителей всѣхъ направленій, притомъ говорящихъ всегда талантливо и красиво. Вкусъ къ изящному, врожденный итальянцамъ, забота о формѣ, осталась присуща ихъ произведеніямъ къ какой бы школѣ и направленію эти авторы ни принадлежали.

Большинство предлагаемыхъ очерковъ появилось въ «Новомъ Времени». Въ настоящей книгѣ они предлагаются читателю въ весьма дополненномъ и кое-гдѣ — но очень мало — въ измѣненномъ видѣ. Мнѣ не приходилось мѣнять моихъ заключеній, высказанныхъ о томъ или другомъ авторѣ, но новыя работы нѣкоторыхъ изъ нихъ заставили меня сдѣлать необходимыя добавленія.

Два слова по поводу приложеннаго здѣсь очерка современной итальянской поэзіи, принадлежащаго перу Зено Романо. Тонъ его очерка нѣсколько расходится съ общимъ тономъ этой книги. Я не считалъ однако возможнымъ вліять на его сужденія и взгляды въ той области, въ которой признаю его компетентность.

ПЕТЕРБУРГЪ.
ДЕКАБРЬ 1901.

АНТОНІО ФОГАЦЦАРО.

I.

Когда я нѣсколько лѣтъ назадъ проводилъ лѣто на берегахъ Комо, заглядывая и на Луганское озеро, мнѣ приходило иногда въ голову навѣстить Антонио Фогаццаро, живущаго какъ разъ въ этомъ краю, въ долину Вальсольда, гдѣ у него имѣется вилла въ Seghe di Velo. Антонио Фогаццаро — одинъ изъ выдающихся современныхъ европейскихъ романистовъ — безспорно, занимаетъ первое мѣсто среди итальянскихъ своихъ собратьевъ, не выключая и знаменитаго Габріеля д'Аннунціо. Два романа его — «Malombra» и «Тайна поэта», какъ и цѣлый рядъ мелкихъ рассказовъ, только-что появились тогда въ русскомъ переводѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Иностранной Литературы» и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ журналахъ, впервые знакомившихъ русскихъ читателей съ этимъ оригинальнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Дѣйствительно, Фогаццаро можно назвать поэтомъ: такъ образно и сжато онъ выражается въ своихъ произведеніяхъ, такъ тонко и съ неожиданной стороны схватываетъ представляющіеся ему предметы, такъ пренебрегаетъ психологическими тонкостями, если онъ основаны только на фізіологической подкладкѣ, что, между прочимъ, обезпечило шумный успѣхъ произведеніямъ д'Аннунціо у французской критики. Фогаццаро и началъ свою карьеру стихотворными опытами, какъ большинство писателей, его соотечественниковъ. И до сихъ поръ его поэму «Miranda» ставятъ высоко, и авторъ ея для краткости нерѣдко прямо именуется — авторомъ «Миранды».

Я лично не особенный охотникъ до стиховъ на иностранныхъ языкахъ и не дѣлаю исключенія и для Фогаццаро, который все-таки небольшая величина итальянскаго Парнасса. Во всякомъ случаѣ, самъ Фогаццаро давно бросилъ лирику и только изрѣдка пользуется ею такимъ оригинальнымъ приемомъ, какъ, напр., въ романѣ «Тайна поэта», гдѣ прозаическій рассказъ чередуется съ стихотворными изліяніями. Такимъ образомъ, я останавливаюсь только на одной сторонѣ литературной дѣятельности писателя, которую онъ самъ считаетъ важнѣйшею — на его романахъ.

Къ Фогаццаро, однако, я не собрался, отчасти не желая быть назойливымъ отчасти потому, что какъ разъ въ то время попалась мнѣ книжка одного римскаго журналиста, Уго Ойетти, «Alla scoperta dei letterati», гдѣ описывалось посѣщеніе имъ въ числѣ другихъ и ломбардскаго романиста. Изъ этого описанія узналъ почти все, что интересовало меня и что отчасти могло бы служить поводомъ къ свиданію съ Фогаццаро.